

Невозможен был и среднеазиатский путь обособленного развития с сочетанием элементов рынка и феодального строя. Отличалась Беларусь и от Украины, которой был присущ как региональный национализм (Галиция), так и извечная тяга к так называемой "самостийности". Белорусская элита пошла по пути, который был ей более всего знаком, модернизация советской политической системы.

Однако процесс модернизации привел к необходимости эволюции структуры политической системы белорусского общества, как политологической закономерности при переходе от тоталитарного политического режима к либеральному.

Наблюдался кризис традиционных общественно-политических объединений, формализм и демагогия в их деятельности.

Произошло изменение социальной структуры общества: формирование новых социальных групп фермеров, предпринимателей.

Наблюдалось становление политического плюрализма, отказ от одной официальной идеологии, обязательной для всех, становление национального и гражданского самосознания определенной части общества.

Вместе с тем, процесс модернизации вызывал трудности и противоречия в осуществлении экономических реформ и ухудшение материальных условий жизни граждан.

Данные факторы способствовали росту общественно-политической активности граждан и формированию новых общественных объединений.

Новые партии и общественные объединения формировались внутри современных национально-культурных движений, социальную базу которого составила творческая интеллигенция, ученые, студенчество, объединенные общностью культурных интересов. Расширение количества субъектов политической системы общества проходило в первую очередь за счет движений и партий, которые стояли на позициях национально-демократической идеологии как фундаментальной ценности. Общественно-политические объединения коммунистического направления выступали как альтернативные национально-демократическим объединениям.

Отличительной чертой новых самостоятельных (неформальных) объединений стала подчеркнутая этничность (в Беларуси: "Талака", "Тутэйшыя" – Минск; "Паходня" – Гродно; "Повязь" – Орша, "Край" – Брест; "Узгорье" – Витебск, для которых было характерно активное использование белорусского языка, исторической белорусской символики). Первый "Вольны Сойм" белорусских национально-культурных объединений в декабре 1987 года под Минском сформулировал национально-культурные цели и задачи современного белорусского национально-культурного движения.

В 1988 – 1990-х годах осуществляется модернизация национально-культурных объединений в общественно-политические, формирование первых политических партий. Так, например, Второй "Вольны Сойм" белорусских самостоятельных объединений (сентябрь 1989, Вильнюс) ознаменовал смену приоритетов современного белорусского национального движения. На первое место выходят политические проблемы: достижение реального суверенитета БССР в границах СССР; введение республиканского гражданства; расширение полномочий республики в международных политических, экономических, культурных организациях; отмена конституционного закрепления политического лидерства КПСС; признание многопартийности; свобода печати, возрождение исторической национальной символики. 1988-1989 годы формируется первое массовое общественное политическое объединение – Белорусский народный фронт. В 1990-1991 годах формируются первые политические партии: Демократическая партия, ОДПБ, БСДГ, БХДС. 25 августа 1991 года запрещается деятельность КПСС-КПБ. Происходит активное включение партий и объединений в политическую систему общества: создание парламентских фракций, разработка первых политических программ. Аналогичные процессы наблюдаются в иных постсоветских государствах.

Однако были и особенности конституирования политического процесса на постсоветском пространстве, вызванные

В.В. Ясев
г. Могилев

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Начало 1990-х годов ознаменовалось конституированием политических систем суверенных государств, сформировавшихся на постсоветском пространстве. Данная стадия политического процесса протекала как через модернизацию политических институтов, сложившихся в советское время (парламентов), так и через создание новых политических институтов (президентства; общественно-политических организаций и политических партий). Таким образом, стадия конституирования политических систем осуществлялась, как "снизу", так и "сверху".

В условиях советского, да и постсоветского, политического пространства Беларусь выступала наиболее стабильным регионом. Белорусское общество было и остается достаточно мобильным, о чем свидетельствует высокая степень адаптации и выживаемости в условиях так называемого "рыночного социализма". В Беларуси, например, не существовало ярко выраженного альтернативного национального проекта, который на протяжении длительного времени вынашивала прибалтийская элита и который она с успехом смогла реализовать с наступлением перестройки.

спецификой исторического и культурного развития республик.

Элита стран Балтии осуществила давно вынашиваемый национальный проект, направленный на включение этих стран в Европейский Союз.

Эксперты-политологи обращают внимание на то, что в странах, где победили "бархатные революции" (Грузия, Украина, Киргизия), авторитарные режимы были относительно либеральными, в режимах функционирования данных политических систем в значительной мере присутствовали элементы демократии.

В этих государствах были проведены рыночные реформы, была приватизирована государственная собственность, возник класс собственников. Однако, главный порок сформировавшихся там социальных моделей состоял в том, что государственная собственность была распределена "несправедливо". Иначе говоря, Грузия, Украина, Киргизия были странами классического номенклатурно-олигархического капитализма. И революционный протест против правящих режимов основывался на идее несправедливости существующего порядка вещей. Не случайно в Киргизии народ в ходе революции пошел грабить магазины в Бишкеке. Дело в том, что весьма значительная их часть принадлежала как раз зятю А. Акаева.

Сегодня на пространстве СНГ номенклатурно-олигархические модели существуют в Казахстане, России, Азербайджане. И, кстати, борьба В. Путина с олигархами ("дело Ходорковского", изгнание из страны В. Гусинского и Б. Березовского) стала одним из важных факторов стабильно высокого рейтинга нынешнего российского президента.

Как нам представляется, в Туркмении, Узбекистане и Беларуси не прошли полноценные рыночные реформы, и главным олигархом остается государство. Здесь функционируют политические режимы левого, эгалитарного типа, основанные на идее социальной справедливости (именно на ней базировался советский строй, вся мировая система социализма).

Это политические системы, где "народная собственность не распродана", где нет явных олигархов, где регулярно наказывают провинившихся чиновников, что это находит понимание среди рядовых участников политического процесса.

В начале XXI века прошедшие "бархатные революции" в Грузии, Украине и Киргизии ознаменовали новые формы протекания политического процесса на постсоветском политическом пространстве.

Впервые термин "бархатная революция" был использован применительно к мирному восстанию против коммунистического режима в Чехословакии, которое закончилось его падением в ноябре 1989 года. Однако теперь его применяют более широко, для определения феномена мирного восстания масс против любых диктаторских режимов – от правых до левых, от Восточной Европы до Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки. Успех "революции" зависит от урвня мобилизации населения, чего сегодня гораздо легче добиться, благодаря развитию коммуникационных средств. Авторитарному режиму становится все труднее контролировать их.

Сходство, вплоть до мелочей, "революционных" технологий, применявшихся в Югославии, Грузии, Украине и Киргизии, доказывает, что эти "революции" были навязаны извне, а не явились естественным следствием глубоких экономических и социально-политических процессов. Иными словами, "бархатная революция", в отличие от революции настоящей, имеет экзогенный (порожденный внешним воздействием), а не эндогенный (порожденный внутренним ходом вещей) характер. Об этом свидетельствует и то, что ни в одной из "революционных" стран не произошли и не предвидятся кардинальные трансформации социально-экономических систем. То есть никакой радикально-позитивной смены парадигмы общественного развития "бархатных революций" в принципе не обещают. При этом четко прослеживаются определенные закономерности:

1. После взрыва грантового потока из США и стран Евросоюза в начале 90-х и угасания в последней пятилетке прошлого века, в течение последних трех лет наблюдался новый всплеск. Трактовались общественные организации практически всех тематик: благотворительные, образовательные, культурологические, борцы с наркотиками и СПИДом, женские, молодежные, защитники прав людей и животных. Создавались новые организации. Основная форма деятельности, на которую давались гранты – обучение и воспитание молодежи.

Например, на Украине прошли десятки тысяч обучающих мероприятий. Малые – круглые столы, лекции, семинары длительностью несколько часов. Средние – одно-трехдневный семинар или конференция с приглашением учеников из разных городов, с проживанием в гостинице, питанием, культурной программой – все за счет фондов. Большие – летние лагеря молодежи, приглашение молодых людей в лагеря в других, в том числе западных странах. Постоянно действующие клубы, консультационные центры.

2. Недовольство действующей властью. Основной предпосылкой "революции" является кризисная экономическая и политическая ситуация в стране. Это – базовая предпосылка для применения технологии "революции", которая никогда не произойдет там, где люди довольны своей материальной жизнью, действующей властью и, в том числе, главой государства.

3. Единый кандидат от оппозиции. С технологической точки зрения наличие единого кандидата чрезвычайно важно: именно на нем концентрируются все финансовые, информационные и организационные ресурсы оппозиции. Наличие нескольких кандидатов ведет к распылению этих ресурсов, ослабляет и разобщает противников действующего режима. И именно такая ситуация сложилась в Киргизии.

4. Молодежная политическая организация. Во всех "революциях" молодежные политические организации (в Югославии – "Отпор!", в Грузии – "Кмара!" ("Хватит!"), на Украине – "Пора!", в Киргизии – Гражданская кампания мирного сопротивления "Кел Кел!", "Бирге!") сыграли очень важную роль. Их создание явилось необходимым элементом в технологической цепочке "бархатных революций". Во-первых, все массовые акции гражданского участия проводились с помощью именно молодежи (студентов). Во-вторых, молодежные организации выводили на улицы десятки тысяч человек, способных противостоять силовым подразделениям. В-третьих, именно массовое участие студентов создавало вокруг происходивших событий ореол "подлинной революционности", позволяло выдавать студенческое движение как общенародное. Уже сами названия молодежных движений отличаются краткостью и лозунговым характером. Содержательно и наступательно, по-боевому формулируются лозунги: в Югославии – "Конец ему!", "Его время истекло!", "Довольно ему!"; на Украине – "Так!", "Мы за Ю, мы не за Я!", "Разом нас багато!" Эти слоганы становились чуть ли не главным оружием оппозиции.

5. Международные наблюдатели выполняют в технологической цепочке "бархатной революции" две принципиальные функции. Во-первых, они отмечают нарушения и фальсификации во время проведения выборов. А, во-вторых, играют роль своеобразного гаранта подлинности "exit polls", так как сами участвуют в их организации и проведении. Следует отметить, что с каждой следующей "бархатной революцией" роль международных наблюдателей существенно растет. Возрастает и их количество. В 2000 году за выборами в Югославии следили чуть более 200 наблюдателей. На парламентских выборах в Грузии в 2003 было зарегистрировано 1368 международных наблюдателей, а на "третьем туре" выборов в Украине – 12 300 человек. Иначе говоря, за правильностью украинских выборов следила "маленькая иностранная армия".

6. "Exit polls" (результаты на выходе) и параллельный подсчет голосов – это инструменты, которые позволяют доказать фальсификацию с помощью конкретных цифр и фактов, что намного серьезнее эмоциональных утверждений

о «многочисленных фальсификациях». Единственная проблема, которая при этом возникает: как сделать так, чтобы поверили именно этим, а не официальным данным? Ее можно разрешить двумя способами. Во-первых, социологический центр, выдающий соответствующую информацию (например, о несовпадении результатов «exit polls» с официальными данными), должен восприниматься общественностью как максимально независимый. Во-вторых, добиться массового доверия к данным «exit polls» и параллельного подсчета голосов можно через присутствие на выборах многочисленных международных наблюдателей...

Таким образом, в ходе конституирования политических систем в данных государствах формируются на первый взгляд похожие, но, однако, внутренне различные модели политических систем общества. Практика свидетельствует об ограниченной способности руководителей государств управлять социальными процессами. Всякая великая реформа создает очаг управляемого хаоса. Крупные внутриполитические и геополитические катаклизмы разворачиваются в неконтролируемом режиме.

Политический процесс в государствах, сформировавшихся на постсоветском пространстве, протекает под воздействием эндогенных и экзогенных факторов. Не сбрасывая со счетов эндогенные факторы (слабость и коррупция властей всех уровней, деградация экономики, межэтническая напряженность, отсутствие социальных перспектив у значительной части молодежи и т.д.), приоритет при рассмотрении «цветных революций» следует отдавать внешним силам. Соответственно, их анализ надо начинать с определения действительного субъекта или заказчика «революций», преследующего собственные глобальные геополитические цели.

Одним из основных участников политического процесса является молодежь, которая подвергается идеологической обработке, как внутри системы (государственных властей, оппозиции), так и через глобальные информационные системы. Наблюдается типологическое сходство всех молодежных организаций участвовавших в «революциях»: их отделения открывались рядом с местами, где обычно собирается молодежь (дискотеки, бары, клубы), члены организаций проходили стандартные тренинги по тактике борьбы с режимом «ненасильственными методами».